

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

подготовлено

Карпетовым Артемом Георгиевичем,

доктором юридических наук,

директором электронного издательства «М-Логос» и

Юридического института «М-Логос»,

главным редактором Вестника экономического правосудия РФ

Я, Карпетов Артем Георгиевич, даю по запросу Сергея Леонидовича Савельева настоящее заключение по абстрактно сформулированному вопросу права для представления в Конституционный Суд РФ.

Моя задача заключалась в подготовке ответа на поставленный вопрос с точки зрения действующего российского права исключительно исходя из информации, содержащейся в вопросе.

Вопрос:

Если между двумя сторонами имеется договор, и одна из них нарушает его, то вправе ли пострадавший контрагент свой иск, направленный на возмещение убытков или присуждение к уплате долга, произвольно квалифицировать в качестве деликтного иска о возмещении ущерба, подведя его под действие общих правил главы 59 ГК РФ о деликтной ответственности и исключив применение законодательных норм и договорных условий, установленных в отношении договорной ответственности (применимого договорного

статута, условий договора об ограничении объема ответственности, сокращенных сроков давности и т.п.)?

Ответ:

Нет сомнений в том, что подобная манипуляция применимым правовым режимом невозможна. Если сторона нарушила договор, то потерпевший контрагент обращается к нарушителю с договорным иском (в зависимости от контекста это может быть иск о взыскании основного долга, истребовании вещи, взыскании убытков, расторжении договора и возврате осуществлённого предоставления, соразмерном уменьшении цены и т.п.). Эти иски носят договорный характер, опираются на согласованную в договоре или установленную в законе программу договорных правоотношений и подчиняются соответствующим договорным условиям, положениям договорного права, а также нормам международного частного права или процессуального права, которые регулируют договорные правоотношения и договорные иски.

Абсолютно немыслима ситуация, при которой, скажем, поставщик может исключить применение всего этого комплексного договорного правового режима, просто объявив свой иск о взыскании долга деликтным и ссылаясь на то, что неоплата товара есть деликт.

Соответственно, если закон для споров из данного договора устанавливает сокращенную исковую давность (например, перевозка, экспедиция, подряд и т.п.), то именно этот срок подлежит применению. Попытка истца избежать этого, назвав свой иск деликтным, должна жестко и беспелляционно пресекаться судом.

Если в силу закона или договора установлен пресекательный срок на выявление дефекта в осуществленном предоставлении (например, ст. 477 ГК РФ в отношении купли-продажи), то этот срок подлежит применению, и бегство в деликтную квалификацию иска о возмещении издержек на ремонт никак не может помочь избежать этого результата.

Если в договоре установлен верхний предел возмещаемых в связи с нарушением срока поставки убытков, и покупатель требует возмещения вызванных просрочкой в поставке товара убытков, то он никак не может обойти этот лимит, искусственно обернув свое притязание в деликтный кафтан.

Наконец, если в силу норм международного частного права к спору из договора купли-продажи применяется право страны продавца или стороны договора выбрали право страны покупателя в качестве применимого, то спор о привлечении к ответственности за нарушение договора подчиняется именно этому «договорному статуту». Если какому-то истцу он почему-то покажется неудобным и он попытается избежать применения договорного статута за счет попытки квалифицировать свой иск в качестве деликтного, то ничем, кроме как манипуляциями, это назвать невозможно.

Иначе говоря, нарушение договорного обязательства как основание для договорной ответственности и деликт как основание для внедоговорной ответственности — это два разных юридических состава, которые порождают самостоятельные виды притязаний, подчиняющихся собственным правовым режимам. Сказанное не означает, что некоторые нормы главы 59 ГК РФ о деликтной ответственности никогда не могут применяться по аналогии к ответственности договорной для восполнения соответствующих пробелов в регулировании, а некоторые нормы главы 25 ГК РФ о договорной ответственности не могут избирательно применяться по аналогии для восполнения пробелов регулирования ответственности деликтной. Конечно, это возможно. Но в той степени, в которой в рамках договорного режима имеются специальные положения, они не могут быть опрокинуты ссылками на нормы деликтного права. Так, ссылка ответчика на то, что в силу ст. 1064 ГК РФ деликтная ответственность основана на вине и исключается при отсутствии вины, никак не может пересилить специальное правило п. 3 ст. 401 ГК РФ о строгой ответственности коммерсантов за нарушение обязательства. По той же причине, если нормы международного частного права, отраженные в ГК РФ, говорят, что стороны договора могут

определить применимое право и суды должны уважать этот выбор (за рядом оговоренных в законе исключений), то апелляция к иной норме международного частного права, которая задает коллизионную привязку для деликтных исков, должна игнорироваться.

Соответственно, российское право прочно стоит на идее о том, что в споре между сторонами договора последствия нарушения обязательства определяются нормами договорного права, а соответствующие иски, направленные на присуждение к исполнению обязательств или возмещение убытков, являются договорными. В российском праве у истца нет свободы выбора той квалификации иска, которая ему будет удобнее, и соответственно нет свободы искусственно облечь свое по сути договорное притязание в деликтное во имя избегания применения субъективно некомфортных правил, установленных в законе или договоре в отношении договорных исков. И это абсолютно логично. Предлагать двинуться в ином направлении означает поощрять очевидные манипуляции и жонглирование нормами закона и подрывать правовую определенность и принципы правового государства. Где мы остановимся? Может, дать истцу еще и право «выковыривать изюм из булки», выбирая по одним вопросам ссылки на деликтный характер иска, а по другим – договорный, в зависимости от того, что ему удобнее? Или, может, нам стоит и ответчику дать возможность выбирать тот режим ответственности, который удобнее ему для защиты от иска? Ответы на эти вопросы очевидны. Ничего, кроме хаоса и несправедливости, подрыва законности и игнорирования договоренностей сторон этот путь породить не может.

Поэтому в качестве общего правила российское право не дает оснований для произвольной переквалификации иска кредитора, обусловленного нарушением должником договорного обязательства, в деликтный иск.

Впрочем, здесь стоит обратить внимание на один спорный вопрос и одно уточнение.

а) Все вышесказанное бесспорно для российского права в тех случаях, когда нарушение договора спровоцировало возникновение у потерпевшего контрагента чистых экономических убытков. Чуть больше споров возникает в ситуациях, когда нарушение

договора привело к причинению вреда объекту абсолютного права потерпевшего контрагента (например, хранитель повредил сданную на хранение вещь поклажедателя или перевозчик утратил сданный ему для целей перевозки груз). В некоторых странах в такой ситуации потерпевшему предоставляется право выбрать деликтное основание для иска, но тут же обычно делается уточнение о невозможности таким образом обойти применение тех или иных норм, установленных в рамках договорного правового режима. В других странах и в такой ситуации допустима лишь договорная квалификация.

В тех случаях, когда речь идет о причинении в результате нарушения договора вещам организации, российская судебная практика устойчиво идет по последнему пути и считает, что в таких ситуациях применяется договорная квалификация, а выбор деликтной квалификации исключен. В постановлении Президиума ВАС РФ от 3 июня 2014 г. № 2410/14 написано: *«Лицами, обязанными перед хранителем за повреждение имущества, являются арендодатель и управляющая компания, с которыми у него заключен договор аренды, что исключает рассмотрение между названными субъектами споров с применением норм о деликтной ответственности»*. Та же идея отражена в Постановлении Президиума ВАС РФ от 18 февраля 2014 г. № 13817/13 (применительно к иску экспедитора к перевозчику), от 18 июня 2013 г. № 1399/13 (в отношении подряда), определение СКЭС ВС РФ от 18.05.2015 № 305-ЭС14-6511 (в отношении хранения).

Поэтому, например, если для договорного иска перевозки или экспедиции установлен сокращенный срок давности, то он и будет применяться в случае гибели вещи по недосмотру экспедитора или перевозчика, и никакие ссылки пострадавшего контрагента на нормы деликтного права не могут позволить обойти этот сокращенный срок (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26).

В то же время, если речь идет о причинении вреда личности гражданина в ходе исполнения договора, а также в случае причинения вреда личности или имуществу потребителя в результате дефекта в товаре, результате работ или в процессе оказания

коммерсантом услуги, то наш закон позволяет обсуждать применение норм деликтного права (ст. 1084, 1095-1098 ГК РФ).

В таких ситуациях иногда ВС допускает выбор истцом-гражданином более выгодной ему правовой квалификации. Так, в Определении СКГД ВС РФ от 22 сентября 2015 г. N 66-КГ15-10 Суд допустил выбор истцом (потребителем, заказавшим коммерсанту выполнение работ по захоронению и столкнувшимся с тем, что подрядчик в ходе выполнения работ повредил находящийся рядом с местом захоронения и принадлежащий тому же заказчику цветник) правового основания взыскания убытков по собственному разумению (деликтное притязание или договорный иск о взыскании убытков в связи с дефектным выполнением работ).

Но иногда ВС РФ даже в таких ситуациях исключает деликтную квалификацию. Так, в Определении СКГД ВС РФ от 2 марта 2021 г. N 53-КГ20-26-К8, касающемся причинения вреда сданному на хранение потребителем автомобилю, мы читаем: *"Из названных положений следует вывод о существенном различии правовой природы данных обязательств по основанию их возникновения: из договора или из деликта. В случае если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности за деликт не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или согласно условиям договора, заключенного между сторонами"*. В Определении СКГД ВС РФ от 13 апреля 2021 г. N 44-КГ21-3-К7 Суд повторил эту позицию в контексте спора о повреждении автомобиля потребителя в результате его заправки ненадлежащим топливом по вине заправочной станции.

Иначе говоря, в подобных некоммерческих сюжетах в судебной практике наблюдается некоторая неопределенность.

б) Уточнение же состоит в том, что поддерживаемая в российской судебной практике идея вытеснения деликтной квалификации в сюжете причинения убытков в результате

нарушения договора касается случая, когда иск к нарушителю договора предъявляет кредитор по договорному обязательству. В тех же случаях, когда в результате исполнения договора убытки причиняются третьему лицу, которое не наделено правами по данному договору, и право допускает предъявление третьим лицом иска о возмещении убытков, по общему правилу применима деликтная квалификация и только она (п. 21 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017). Как представляется, в некоторых сюжетах здесь мыслимо договорное обоснование иска третьего лица, но как общее правило применима лишь деликтная квалификация, и это вполне логично, так как истец не связан с ответчиком договором и иск не основан на нарушении обязательства, которое имеет перед истцом ответчик. Вопрос о том, в каких случаях такой прямой иск третьего лица в принципе возможен, представляет собой большой практический интерес, но анализ его выходит за рамки настоящего заключения. Заданный мне вопрос касался правовой квалификации иска самого контрагента.

Карапетов Артем Георгиевич

доктор юридических наук,

генеральный директор электронного издательства «М-Логос»,

директор Юридического института «М-Логос»,

главный редактор Вестника экономического правосудия РФ

Подпись удостоверена по месту работы Е.А. Кудактиной

_____

ДИПЛОМ ЯВЛЯЕТСЯ ДОКУМЕНТОМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗЦА

Серия ДДН № 018261 *

г. МОСКВА

Решением
Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации

от 25 ноября 2011 г. № 45д/9

Караметову Артему Георгиевичу
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ

ДОКТОРА

юридических наук

Председатель
Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации

Всего прошито, пронумеровано и скреплено
печатью 8 (восемь) листов

Должность

директор

Подпись

А.П. Копылов

20 11 г. М.П.

